

ГІСТОРЫЯ

УДК [257.7-5-9+27-5-9](476+474.5+477)-89«13/15»

А. И. ГРУША

РЕЛИГИОЗНЫЙ РИТУАЛ КАК ПРЕДШЕСТВЕННИК ДОКУМЕНТА

*Центральная научная библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси, Минск, Беларусь,
e-mail: pirus@tut.by*

Цель исследования – выяснить происхождение бесписьменных процедур, предшествовавших появлению документа. Сделан вывод, что сила указанных процедур, которые некогда являлись мощным орудием принуждения, контроля и регулирования общественных отношений, заключалась прежде всего в их религиозном происхождении и характере, религиозном авторитете. Они осуществлялись в рамках религиозного ритуала.

Ключевые слова: договор, гарант договора, ритуал, документ, присяга, целование креста, Божья правда, показания свидетелей, секуляризация.

A. I. HRUŠA

A RELIGIOUS RITUAL AS THE PREDECESSOR OF A DOCUMENT

*National Academy of Sciences of Belarus, state institution «Yakub Kolas Central Science Library», Minsk, Belarus,
e-mail: pirus@tut.by*

The purpose of the research is to find out an origin of the unwritten procedures which preceded the occurrence of a document. The conclusion is made, that the strength of the mentioned procedures which once were the powerful tool of compulsion, control and regulation of social relations, consisted first of all in their religious origin and character, religious authority. They were carried out within the limits of religious ritual.

Keywords: contract, contract guarantor, ritual, document, oath, kissing pipe cross, law of God, testimonies, secularization.

Цель исследования – выяснить происхождение бесписьменных процедур, предшествовавших появлению документа в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ). Указанные процедуры известны у многих народов. С целью закрепления договоров из рук в руки передавали различные предметы, например, ножи, ветки, пили воду, опьяняющие напитки. В Галицкой Руси, других регионах это распитие называлось «могорич». Одним из объектов, который участвовал в процедуре утверждения договоров, являлся дёрн. У англосаксов и скандинавов передача дёрна символизировала отчуждение земли. Очевидно, такая процедура существовала и у восточных славян. На Псковщине и Новгородчине передача земли «в одерень» – от слова «дёрн» – означала утрату прав на передаваемое владение. Источники XIV–XV вв. называют грамоту, посредством которой оформлялся подобный договор, «дёрной», «дерноватой» грамотой. У восточных славян дёрн использовался также при доказательстве прав на землю и определении границ земельных владений. Это делалось так: человек клал кусок дёрна на голову и приносил присягу. Символический характер дёрн имел не только у германцев и славян, но также у балтов и финно-угров. Английский исследователь М. Т. Клэнчи, суммируя данные о бесписьменных акциях заключения договоров в средневековом обществе Англии, сделал следующее заключение: «Рост письменности не происходил в культурном вакууме. Её заменяли бесписьменные способы, которые казались естественными для тех, кто был к ним привычен. Самая трудная первоначальная проблема в истории письменности заключается в том, чтобы выяснить, что ей предшествовало» [1, р. 41]. Итак, если

это был не вакуум, то что же заменяло документ, что ему предшествовало? Ведь, действительно, многие тысячи лет общества жили без документа, а время его существования составляет относительно краткий период.

Для того чтобы решить данный вопрос, важно выявить аналогичные по функциям явления. Можно наблюдать, как в период Средневековья неумолимо рос объём и увеличивалось разнообразие правовых документов. Но из этих всё более прираставших в числе и увеличивавшихся в составе документов мы узнаём, что они не являлись единственным средством подтверждения правовых актов. Наряду с ними существовала присяга, свидетельство Божьей правды, устное свидетельство. В одних случаях их значение оставалось более-менее стабильным, в других – оно снижалось. И что характерно, в последних случаях место присяги и устного свидетельства стал занимать документ.

Связь между присягой и устным свидетельством, с одной стороны, и документом – с другой, имеет умозрачительный характер, она нуждается в проверке. Средством этой проверки послужит типологическая модель, подсказанная функцией, статусом и механизмом действия правового документа. Последний являлся источником информации, обладавшим доверием и авторитетом в вопросе о реальном положении субъектов права. Он служил средством санкционирования правового акта, основанием для сохранения созданных им правоотношений и восстановления этих правоотношений в случае их нарушения. Как происходила работа с документом? В случае конфликтной ситуации судья знакомился с содержанием документа, принимал меры, цель которых заключалась в том, чтобы удостовериться в его подлинности. Важно понимать место документа в правовом урегулировании конфликта. Документ сам по себе не являлся гарантом договора. Содержание документа, наличие или отсутствие документа не трактовалось формально. Гарантом договора была светская власть, которая толковала право и не всегда принимала решение только на основании документа.

Выше отмечалось, что в период Средневековья происходил рост объёма и увеличивалось разнообразие правовых документов. Последние постепенно вытесняли присягу и другие бесписьменные формы заключения договоров. Следовательно, можно говорить о таком раннем периоде в истории общества, когда эти формы имели главенствующее значение. Оставим пока в стороне устные свидетельства и обратимся к присяге. В каких условиях она действовала и какое она имела значение в регулировании правовых отношений в указанный период истории общества?

Большой сравнительный материал по «варварской» Европе, систематизированный польским историком К. Модзелевским, позволяет упорядочить наши знания, относящиеся к религиозным представлениям в варварском обществе. Согласно этим представлениям религиозные силы являлись главными судьями, главными военачальниками, им принадлежала казна страны. Они давали ответы на значимые для общества и индивидов вопросы [2, s. 356–401]. Эти сведения, касающиеся славян и германцев, имеют аналоги у балтских и финно-угорских народов.

Указанный материал даёт основания для некоторых обобщений. Боги *непосредственно* вмешивались в жизнь общества и индивидов. Вера в религиозные силы глубоко проникала в сознание индивида. Она не была отделена от реальных жизненных практик и являлась мощным побудительным мотивом. Отсюда то большое значение, которое придавалось религиозным актам в решении практических задач. В земной жизни общества и индивида власть богов, их воля и способности играли решающую роль. Боги вместе с людьми образовывали как бы единый «коллектив».

Религиозные представления легли в основу функционирования ряда институтов, которые существовали ещё в высокое и позднее Средневековье. Для нас здесь важно, что среди этих институтов были и те, которые участвовали в регулировании правовых отношений, а именно: различные виды Божьих судов – ордалии, присяга. Сведения о суде посредством «горячего железа» мы находим в источниках XIII в. Судебная присяга действовала ещё дольше. Ключевая идея ордалий и присяги заключалась в том, что Бог не только видел всё, являлся свидетелем выполнения Божьих заповедей, преступлений и проступков людей, но он был способен указать суду на нарушителя правопорядка, наказать его [3, с. 424–425; 4, s. 11].

Присяга как средство подтверждения договоров известна у литовцев-язычников, других балтов. Этот вид ритуала подробно, с учётом конкретных исторических ситуаций, рассмотрели

М. Косман и С. Роуэлл [5; 6]. Присяга как указанное средство существовала не только у индоевропейских, но и у других народов. Она являлась универсальным инструментом утверждения договорных отношений у народов, находящихся на определённой стадии развития.

Обычная практика заверения договоров между индивидами, индивидами и сообществами на уже христианизированных будущих землях ВКЛ – совершение религиозного ритуала. Князя, заключая договор, выполняли обряд целования креста [7]. Так, в пору бурных событий в Полоцкой земле в конце 50 – начале 60-х годов XII в. целованием креста закрепляли договора бывшие в разное время полоцкими князьями Рогволод Борисович и Ростислав Глебович. Посредством этого же ритуала утверждали отношения князя и местные сообщества. В 1151 г. полочане, сослав в заточение в Менск Рогволода Борисовича и приняв к себе менского князя Ростислава Глебовича, делегировали своих представителей к новгород-северскому князю Святославу Ольговичу и целовали к нему крест, «яко имети отцомъ себе и ходити в послушаньи его» [8, стб. 445]. Во время волнений в Полоцке в 1158 г. полоцкий князь Ростислав Глебович приводил полочан к кресту. Полочане целовали крест к Ростиславу, «яко ты нам князь еси, и дай ны Богъ с тобой пожити, извета никакогоже до тебе доложити и до хрестного целования» [8, стб. 494]. Подобные примеры можно и умножить.

Крестоцелование могло нарушаться. Едва ли не самый известный случай клятвopеcтупления в истории Древней Руси XI в. – это нарушение клятвы сыновьями Ярослава Владимировича, которую они принесли полоцкому князю Всеславу Брячиславичу в 1067 г. Вопреки обещанию, скреплённому целованием креста, приглашённый на переговоры Всеслав был схвачен и заключён в поруб (земляная тюрьма). Однако несмотря на имевшие место случаи нарушения крестоцелования, почитание креста как средства придания договору правовой силы сохранялось. Согласно поучению летописца «сила крестная» была велика. Крест не только ограждал человека от бесовских сил, но и защищал его, помогал князьям в войнах. За нарушение крестоцелования князем Бог карал всю землю, нарушителя клятвы на том свете ожидала вечная мука. В этом плане характерным является пример, опять же связанный со Всеславом Полоцким. Спустя год и три месяца после его пленения Ярославичи потерпели поражение от половцев. Вспыхнувшее восстание киевлян вынудило старшего из них – киевского князя Изяслава – бежать в Польшу. Поразительным является оборот событий для жертвы клятвopеcтупления. Всеслав был освобождён восставшими киевлянами и провозглашён киевским князем, и произошло это... в день Воздвижения Креста Господнего (15 сентября)! В поражении Ярославичей, освобождении Всеслава и избрании его киевским князем летописец видел результат действия силы креста. «Се же Богъ яви крестъную силу, – комментировал эти события летописец, – понеже Изяслав целовавъ крестъ и я, и тем же наведе Богъ поганья, сего же яве избави крестъ честъныи». Летописец вложил в уста Всеслава следующие слова: «О, кресте честныи, понеже к тебе веровахъ, избави мя от рова сего» [8, стб. 161].

Вхождение в состав ВКЛ разных народов, их близкий контакт привели к появлению различных форм этнического и культурного взаимодействия. Одной из форм данного взаимодействия являлось принятие литовскими князьями, получившими княжения в «русских» землях, религии или отдельных христианских культов (культ святого креста) их подданных. Вместе с этой религией и этими культами они принимали также и способы санкционирования договоров. В 1338 г. торговый договор Гедимины с ливонским магистром был закреплён не только документом, но и ритуалом – целованием креста, совершённым его сыновьями: правителем Полоцка – Глебом-Наримонтом и правителем Витебска – Ольгердом. В описи Посольского приказа 1626 г. сохранилась информация о двух докончальных грамотах великого князя Ягайлы, его братьев Скиргайлы и Корибута великому князю Дмитрию Ивановичу и его брату Владимиру Андреевичу, одна из них – «как они докончали и целовали крест великому князю Дмитрию Ивановичу и брату ево князю Володимеру Ондреевичу и их детем...».

Одним из ключевых моментов ритуала является приглашение к участию в договоре высших сверхъестественных сил. Важно знать, какая роль отводилась этим силам. Последние являлись не просто свидетелями состоявшегося договора. Договор предполагает наличие его гаранта. Кто был его гарантом? В ВКЛ XV–XVI вв. – глава светской власти, великий князь. Последний охра-

нял право, в диапазоне которого действовали зафиксированные в письменном документе правоотношения, устанавливал правоотношения в случае их нарушения, осуществлял суд в целях определения действительных правоотношений. Но так было не всегда. Вслушаемся в то, что нам сообщает санкция ранних документов. Примерно в 1383–1385 гг. (или 1386 г.) князь Фёдор (Федот) Любартович с его братьями Лазарем, Семёном и их матерью Ольгой обязались князю Фёдору Данильевичу «не уступатися у его отчизну и у его служебныи, и по его животе, што дасть церквам и кому нь што дасть» «в то не вступатися». «А кто на тое поступить, – указывается в документе, – тот уведается с нами перед Богом и зь его душею» [9, с. 8]. В 1385 г. Чурило Бродовский дал своё село Бродово князю Фёдору Данильевичу и его детям. «А кто поступить на мое слово, въведается тотъ передь Б(ог)омъ и с моею душею», – говорится в грамоте [10, с. 27–28]. Из этих формул следует, что в случае нарушения договора обе стороны, точнее их души, предстанут на Страшном суде перед Богом, который вынесет приговор. В данном случае не монарх, а Бог должен был принимать действия против нарушителя договора, а следовательно, выступал в качестве гаранта договора. О Божьем правосудии в отношениях к таким нарушителям говорится в записях и листах в пользу церкви, выдававшихся в большом количестве в поздние времена. В отличие от этих записей и листов указанные выше грамоты фиксировали договора между светскими контрагентами.

Насколько данная санкция отражала реальные представления? Поставленный вопрос необходимо решать применительно к культурной среде, в которой был заключён этот договор, и времени его заключения. Но это можно сделать, в частности, при условии если религиозный фактор мы обнаружим в других областях права данной культуры того же или ближайшего времени.

Право – это ещё и область разрешения конфликтов. Из источников XV–XVI вв. мы узнаём об одном из средств доказательства правды в суде – религиозной присяге [4; 11]. Мы наблюдаем постепенный упадок значения этой присяги. Сужалась область её применения, ограничивался социальный круг лиц, приводимых к ней. Но динамика упадка присяги позволяет определить её правовое значение близко от того временного рубежа, когда этот упадок начался. Ещё во времена Витовта присяга применялась при рассмотрении судебных дел о земле. По поводу одного такого дела великий князь заявлял: «Мы, вбачачи права, котории ж ся въ Великом кн(я)зьстве деют, почонши за великого кн(я)зя Витовта, и за Жикгимонта, и за отца, и за брата нашего королевскихъ м(и)л(о)сти, што ж земля николи не мает быти отсужона никому без присяги...» [12]. По источникам хорошо известна традиция легитимизировать порядки ссылкой на их существование уже во времена Витовта. Но нет решительно никаких оснований сомневаться в достоверности данной ссылки. В источниках, относящихся к 30-м годам XVI в., акцентируется внимание на то, что использование присяги как способ доказательства в тяжбах о земельных владениях являлось «давним» обычаем. В 1538 г. витебский воевода Матей Войтехович Янович рассматривал дело между путными людьми Озерицкой волости Витебской земли и данником той же волости о земле. Главным доводом в этом судебном деле послужила присяга. Судья подчеркнул, что истцы «на томъ присягнули, и шапки на тои земъли водле *обычая своего стародавнього музского* (от слова «муж» – волощанин. – *А. Г.*) поставили, иж то земля ихъ власная отъчызна...». О том, что «обычаем стародавним музским» была названа в данном случае не только процедура приставления шапки, но и присяга, свидетельствует использование подобного указания в другой части источника: «...а они водле *обычая своего на томъ присягнули*, иж то ихъ земля власная и тыхъ натесовъ новыхъ не натесывали...» [13, с. 207]. Один источник так передаёт слова великого князя: «Ино мы, того досмотревъши съ паны радами нашими, то ся намъ видело, штожъ зь *вековъ* въ панъстве нашомъ право есть таковое: *какъ богатому, такъ убогому* таковая речъ завжды маеть плачона быти подь присягою...» [14, стб. 599]. Древность порядка выражена тут не только при помощи определения «зъ вековъ», но также посредством отражения традиционной практики, игнорирующей варьирование имущественного и социального уровня сторон.

Присяга была лишь одним из средств разрешения конфликтов. Из источников второй половины XV в. мы узнаём и ещё об одном судебном доводе – свидетельстве Божьей правды. В 1460-х годах на белорусско-литовском пограничье в результате действия судебной власти был создан один документ. Согласно его данным судьи великого князя – паны Бартош Монтовтович,

Ганус Дягырдович и Михайло Корсакович – рассматривали тяжбу между панам Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем об избиении и грабеже бобровников и отнятии бобров. По утверждению Яна Петрашевича, бобровые гоны были выслужены его отцом при великом князе Жигимонте Кейстutowиче, пожаловавшем Петрашке (отцу Яна) Куренецкий двор и Марковский дворец. Вторая сторона – Ян Юшкевич – возразила: с тех пор, как его отцу, а также дяде Олехне достались люди кривичане (жители с. Кривичи), бобровники «берег гонивали» так, как это было при великом князе Витовте, т. е. не в соответствии с информацией истца. Утверждения судебных сторон не удовлетворили судей, которые с целью получения показаний обратились к местным жителям. Ян Петрашевич предоставил для дачи показаний «старьи и звечныи» «людники» – бобровников и их пристава, которые «гонивали» бобров ещё за великих князей Витовта и Жигимонта Кейстutowича. Следующая информация источника требует специального внимания. Судьи обратились к бобровникам и их приставу с требованием: «*Повежете правду без душинаг(о) вразу...*». Свидетели подтвердили слова Яна Петрашевича. В отличие от последнего Ян Юшкевич не предоставил для дачи показаний ни одного человека. Однако на этом разбирательство не завершилось. Судьи приказали собрать 30 человек, имевших земли и входы вдоль реки, и спросили у них: «Как вы ведаете о бобровых гонех здавна». Обратим внимание на содержание и этого требования: «*Повежьте правду, д(у)ши своеи не вразете, а напасти боитесь*». Все эти 30 человек местных жителей свидетельствовали в пользу Яна Петрашевича. Поскольку для судей показания и этих людей оказались недостаточными, они провели опрос и людей кривичан, принадлежавших Яну Юшкевичу. Содержание требования было таким: «*Вы, кривичане, сознайте Божюю правду, как было здавна...*». Кривичане дали показания *против своего владельца* [15, s. 10].

Приведённые сведения имеют многоплановый характер. С точки зрения силы внутренней мотивации свидетелей, которые «сознавали» Божью правду, важным является вот что. Во время рассмотрения этого дела в качестве свидетелей были привлечены лица, не равные по своему социальному и имущественному положению тяжущимся сторонам. Судились паны, а показания по их делу давали крестьяне. С позиций сегодняшнего дня эти показания только тогда бы имели объективный характер, смысл, наконец, адекватный результат, если бы отношения между свидетелями и сторонами являлись нейтральными. Отношения между крестьянами и панам, а тем более подвластными и владельцами, не могли быть таковыми. Люди кривичане дали показания, предрешившие отрицательный итог тяжбы для их владельца. Опасались ли они физической расправы с его стороны? Скорее всего – да. Однако угроза «вразу души» и «напасти», страх перед Богом были сильнее угрозы наказания со стороны их владельца и страха перед ним. Следовательно, религиозный характер показаний доминировал над социальным. Божья правда стояла выше человеческих интересов. Гнев Бога за лжесвидетельство ими воспринимался не менее реально, чем возможные репрессии со стороны их владельца. С двух угроз кривичане избрали последнюю как наименьшую. Судебный приговор по делу между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем даёт возможность наиболее адекватно оценить силу Божьей правды. Эту правду они ставили выше правды владельца. Власть Бога была сильнее власти владельца.

Вновь сосредоточим внимание на судебной присяге. Те сведения, которые мы рассмотрим ниже, позволяют увидеть её значение на фоне других доводов, применявшихся в суде. В 1467 г. господарские судьи – менский наместник князь Иван Иванович Жеславский и марковский наместник, упомянутый выше пан Михайло Корсакович – судили полоцкого наместника пана Олехна Судимонтовича с паном Юрьем Зеновьевичем по делу о земле за речкой Оленец. Как видно из показаний Олехны, указанная земля до речки Оленец и до великой Витовтовой дороги принадлежала его людям Лялевичам. По словам же Юрья, вся эта земля в данных границах так же, как и люди Лялевичи, являлась отчиной и дединой его и его предков; после раздела земли и людей Лялевичей между его отцом Иваном и дядей Васильем Ивану достались Беребрановичи и их земля до упомянутой дороги, а Василью – люди Лялевичи и их земля напротив земли, находившейся за речкой Оленец. Как следует из источника, впоследствии Лялевичи «отошли» от Юрья и его предков и произошло это таким образом. Во время войны Жигимонта Кейстutowича и Свидригайлы Судимонт оклеветал перед Жигимонтом дядю Юрья Василья, в результате чего разгневанный Жигимонт отнял у Василья его «дельницу», людей Лялевичей, и отдал их отцу Олехны.

Судьи предложили Олехне Судимонтовичу доказать, что эта земля принадлежала его людям Лялевичам. В качестве довода Олехно высказал готовность предоставить свидетелей – «добрые мужи и бояри», которые якобы были осведомлены, что указанная земля принадлежала его людям. На вопрос, адресованный Юрью, имеет ли он свидетелей, Юрей ответил: «сведомо всеи околицы, што то есть земля моихъ людеи, але не смеють светъчити на пана Олехъна». Таким образом, Юрей знал, что может найти свидетелей, но высказал сомнение в их способности сообщить правду из-за давления на них Олехны. Юрей согласился увидеть и выслушать свидетелей Олехны. Судьи обратились к последним так, как это делали те судьи, которые рассматривали тяжбу между Яном Петрашевичем и Яном Юшкевичем: «Вы, светъки, поведате намъ *по правьде, такъ какъ ся Б(о)га боячи*», кому принадлежит земля, которую «искал» Олехно. Свидетели дали показания в пользу Олехны. Вторая сторона заверила, что её все люди и старые бояре готовы присягнуть за её отчину. Судьи возразили: «П(а)не Юри, твои люди и бояре через светъки пана Олехъновы не мають присягнути». Юрей затребовал от свидетелей Олехны завести землю и присягнуть. Свидетели Олехны согласились на это. Но когда Юрей выехал на место, все они ответили «в одно слово»: «волень его м(и)л(о)сть панъ Олехъно над нами, мы на томъ не присягаемъ и греху себе не приимаемъ». Итак, свидетели могли давать показания под внешним давлением, в данном случае под давлением пана Олехны Судимонтовича, но не могли пойти на клятвопреступление [16, р. 268–270].

Все эти факты, вскрывая фундаментальное значение религиозного фактора в правовых отношениях в период Средневековья, свидетельствуют о том, что формула, которая предупреждала нарушителя договора об угрозе Страшного суда – «а кто поступит на мое слово, введается тот перед Богом и с моею душою», являлась отражением реальных представлений общества и отношений в нём. Данная формула однозначно даёт понять, кто выступал той силой, которая участвовала в регулировании правовых отношений.

Если из «варварского» общества перенестись в общество с более прочными государственными структурами, то нельзя не заметить одну особенность – преемственность между гарантами правовых отношений. Ими являлись в варварском обществе небесные силы, в обществе с прочными государственными структурами – светская власть.

Состав субъектов, выступавших в разное время гарантами правовых отношений, указывает на вид процесса, развитие которого привело к их смене. Данный процесс мы квалифицируем как процесс секуляризации. Под секуляризацией мы вслед за американским теологом и социологом П. Бергером понимаем процесс, когда секторы общества и культуры освобождаются от господства религиозных институтов и символов. В результате образуются автономные сферы жизни, не имеющие религиозного содержания. Религия утрачивает практическое значение; личность может объяснить мир и своё бытие без обращения к религии [17].

Тождество черт власти небесных сил и земного правителя, преемственность этой власти помогают увидеть ещё одну преемственность – в функции и механизме действия ритуала и документа. Ритуал, кроме всех его иных функций, являлся способом обращения к Богу с целью получения санкции на совершение договора, средством санкционирования договора. Ритуал был своего рода документом от Бога, изданный им как субъектом, санкционирующим договор, предоставляемый Богу как гаранту прав.

Идентичность религиозного ритуала и правового документа заключается в том, что и тот, и другой предполагали использование слова. Это слово было адресовано субъекту, санкционировавшему договор и гарантировавшему его сохранение. Принципиальное различие между ритуалом и документом заключалось в том, что вербальная формула ритуала была обращена к Богу, она имела религиозный характер в отличие от слова документа, обращённого к мирскому сообществу и имеющего мирской характер. Укажем и на ещё одно различие. Ритуальный предмет, предшествующий документу, был предметом, освящённым Божественной традицией. Документ – это предмет, который в процессе своего функционирования постепенно разрывал связь с указанной традицией.

Весь этот материал подводит нас к заключению, что до появления документа договор утверждался при помощи религиозного ритуала. Современные исследователи видят действие бесписъ-

менных процедур в рамках обрядов, строящихся больше по горизонтальной оси, т. е. без ставки на религиозное. Учёные в попытке объяснить назначение обряда делают упор на такие его характеристики, как театрализация, публичность, красочность. По их мнению, обряд, являясь спектаклем, игрой, был средством социализации членов коллектива, установления и поддержания коллективной идентичности, меморизации правового акта и т. д. [18]. Не отрицая этого назначения обряда, мы тем не менее склонны считать, что сила указанных процедур заключалась прежде всего в их религиозном происхождении и характере, религиозном авторитете. Они осуществлялись в рамках религиозного ритуала, который воплощал в себе Божью волю. Именно страх наказания за нарушение установленного одновременно на земле и на небесах порядка делал договор твёрдым и нерушимым.

Если говорить о ВКЛ, то религиозный характер ритуала выразительно прослеживается в рассказе одного источника за 1351 г. В этом году литовский князь Кейстут, подтверждая соглашение с венгерским королём Людовиком, исполнил следующий ритуал. Он ножом перерезал яремную вену быка и вместе со всеми своими людьми кровью, брызнувшей из вены, обмазал руки и лицо. Голова быка была отрезана от туловища. Князь и его люди трижды обошли останки. В этом рассказе важным является сообщение, что Кейстут выговорил заклятие, обращённое к языческому божеству [5, s. 217–218; 6, p. 152–156].

Чётко выраженный религиозный характер имел ритуал целования креста. Тем же характером обладала судебная присяга, к которой приводили, применяя «святости» (одна из «святостей» – крест). При исполнении присяги присутствовал священник. Присяга приносилась в церкви или костёле либо у церкви или костёла. Как проистекает из источников, процедуры, в которых был задействован дёрн, предполагали использование присяги и культового предмета – иконы.

Власть Бога была могущественна и вызывала страх у потенциального нарушителя договора. Результатом лжесвидетельства на призыв «сознать» Божью правду были «враз» души и «напасть». Клятвопреступление было чревато не только угрызением совести. Источники чётко определяют, где речь идёт о совести – «суменьи», «сумненьи». Клятвопреступление вело к греху, «образу» души. Присягали «на муку Божью».

Обращает на себя внимание тот факт, что согласно формуле санкции – «а кто поступить на мое слово, введается тот перед Богом и с моею душею» суд должен был состояться после смерти издателя грамоты и нарушителя договора; в качестве судебных сторон выступали их души. Так проявлялась власть христианского Бога. Для традиционного общества суд, переносимый в иной мир, очевидно, не мог быть «эффективным». Можно допустить, что данная формула христианского заклания маскировала более действенный способ наказания, когда нарушитель договора карался в земной жизни, причём немедленно – тотчас после нарушения договора. Не исключено, что главный эффект данной санкции заключался в её «профилактическом» характере. Страх перед небесной карой должен был предотвратить правонарушение. Очевидно поэтому и не существовало нужды оговаривать виды карающих мер, принимаемых в связи с отнятием земли *сразу* после нарушения договора, т. е. тогда, когда это было актуально в плане установления правосудия.

Намерение нарушить договор внушало смертельный страх. Душа была синонимом жизни. Следовательно, принося присягу, человек делал ставку на жизнь. Санкция в случае ложной присяги звучала сурово: «... а естли несправедливе присягаемъ, Боже, *вбий насъ на души и на теле*» [14, стб. 1240] «въ сесь векъ и въ будущий» [14, стб. 1304]. Поэтому стороны, для которых готовность присягнуть была тактическим приёмом ведения судебного процесса, с большим колебанием шли на присягу. Во время тяжбы между Юрьем Зеновьевичем и Олехной Судимонтовичем, когда судьи отказали в присяге свидетелям Зеновьевича, последний затребовал от свидетелей Олехны «завести» землю и присягнуть. Свидетели попросили судей не «припирать» к присяге и позволить им «помыслить», обещая, «помысливши», ответить о принятом решении [16, p. 269].

В таком феномене, как дача свидетельских показаний, в свете данных о секуляризационных процессах допустимо видеть бывшее «сознание» Божьей правды. С процессуальной точки зрения очевидна близость свидетельских показаний и присяги. Ведь свои показания свидетели часто подкрепляли готовностью присягнуть и самим исполнением присяги. В отличие от современной судебной практики, когда дело может «развалиться» из-за недостатка улик, первоначально

достаточно было принести присягу – «поприсягнуть», чтобы доказать свою правоту, или «отприсягнуть», чтобы отклонить обвинения. Сила присяги и показаний свидетелей проявлялась в том, что иногда одна только готовность стороны принести присягу и сослаться на свидетелей вынуждала вторую сторону признать правоту первой. Отказ одной стороны «пустить», «вести» на присягу вторую сторону или сослаться на свидетелей, которые готова была поставить вторая сторона, квалифицировался как признание правды за первой стороной. Если одна сторона ставила свидетелей, то вторая сторона могла признать свою вину, «не вступаячы у право», т. е. не начиная судебный процесс и, значит, не ожидая опроса этих свидетелей. И наоборот, если сторона, сославшись на свидетелей, не предоставляла их в суд или предоставляла не всех их, то проигрывала дело. Показания даже одного свидетеля могли решить исход дела. Так проявлялось доверие к человеку, имеющему в душе страх Божий.

Во время одной судебной тяжбы сторона заявляла: «Коли насъ Михаило на присягу не пускаеть, нехай самъ присягнеть на том, если предки: и деды, и отъцы наши, и мы в тои пуши входовъ и бортеи своих не мели, *мы ему веримъ, а на томъ перестанеть*». Согласие одной стороны на присягу и дачу показаний свидетелей второй стороны уподоблялось неволе первой стороны, что отражалось в стандартных репликах: «*Тяжкая наша неволя, нехай присягають*», «...але *тяжкая моя неволя*: нехай тых светъковъ перед в(а)шею м(и)л(о)стью поставит(ь)», «Што, деи, они откажутъ (свидетели. – А. Г.), *тяжкая моя неволя, я того буду терпети*». Эти и другие реплики выражали безусловное и покорное согласие одной стороны принять правду той стороны, которой оказывали поддержку высшие силы.

В свете данных о секуляризационных процессах религиозный ритуал как некогда мощное орудие принуждения, контроля и регулирования общественных отношений следует рассматривать как предшественника документа. С утверждением документа этот ритуал как главная процедура утверждения договора исчез. Здесь священный характер ритуала был тесно связан с субъектом, санкционирующим договор, а также функцией ритуала.

Список использованной литературы

1. *Clanchy, M. T.* From memory to written record: England 1066–1307 / M. T. Clanchy. – 2nd ed. – Oxford: Blackwell, 1993. – 407 p.
2. *Modzelewski, K.* Barbarzyńska Europa / K. Modzelewski. – Warszawa: Iskry, 2004. – 519 s.
3. *Сергеевич, В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич; под ред. и с пред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 488 с. – (сер. «Русское юридическое наследие»).
4. *Borowski, S.* Przysięga dowodowa w procesie polskim późniejszego średniowiecza. Rozprawa doktorska, przyjęta przez radę wydziału prawa Uniwersytetu Warszawskiego / S. Borowski. – Warszawa, 1926. – (Prace seminarjum dawnego polskiego prawa sądowego Uniwersytetu Warszawskiego. – № 1). – 80 s.
5. *Kosman, M.* Forma umów międzynarodowych Litwy w pierwszej ćwierci XIII wieku / M. Kosman // Przegląd historyczny. – 1966. – Т. 57. – З. 2. – С. 213–234.
6. *Rowell, S. C.* A pagan's word: Lithuanian diplomatic procedure 1200–1385 / S. C. Rowell // Journal of Medieval History. – 1992. – Vol. 18, № 4. – P. 145–160.
7. *Стефанович, П. С.* Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси / П. С. Стефанович // Средневековая Русь / редкол.: А. А. Горский (отв. ред.) [и др.] – М.: Индрик, 2004. – Вып. 5. – С. 86–113.
8. Полное собрание русских летописей / 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – N, XVI, 87, L, 938 стб.
9. Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie: 7 t. – Lwów: Z drukarni Instytutu Stauropegińskiego pod zarządem J. Tarnowskiego, 1887–1910. – Т. 1: 1366–1506 / pod kier. Z. L. Radziwińskiego, przy współudziale P. Skobielskiego, B. Gorcza. – 1887. – XXIX, 204 s.
10. *Розов, В.* Українські грамоти / В. Розов. – Київ: З друкарні Української академії наук, 1928. – Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. – (Історично-філологічний відділ Української академії наук. Збірник № 63. Постійна комісія історії Української мови під кер. акад. А. Е. Кримського. Пам'ятки і студії з історії Української мови. – Вип. 1). – [2], 76, IX с.
11. *Lesiński, B.* Przysięga na duszę jako dowód w średniowiecznym prawie polskim / B. Lesiński // Czasopismo prawno-historyczne. – 1972. – Т. 24. – З. 2. – С. 19–37.
12. Archiwum Główne Akt Dawnych. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7459.
13. Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко. 1533–1540 (Литовская метрика. Кн. № 228. Книга судных дел № 9) / РАН, Ин-т славяноведения, НАН Беларуси, Ин-т истории и др.; публ. подг. В. А. Воронин, А. И. Груша, И. П. Старостина, А. Л. Хорошкевич; отв. ред. А. Л. Хорошкевич, Г. Я. Голенченко. – М.: Наука, 2008. – 524, [1] с.

14. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею: в 39 т. – Петербург, 1872–1927. – Т. 20: Литовская метрика. – Т. 1. – 1903. – 269 с., 1566 стб.
15. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Radziwiłłów. Dz. X. Sygn. 383.
16. Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская метрика. Кnyга Nr. 25 (1387–1546). Užrašymų knyga 25 / Lietuvos istorijos institutas; par. D. Antanavičius, A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. – 482 p.
17. Berger, P. L. Zur dialektik von religion und gesellschaft. Elemente einer soziologischen theorie / P. L. Berger. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1973. – 195 s.
18. Mostert, M. Introduction / M. Mostert // Medieval legal process: Physical, spoken and written performance in the Middle Ages / ed. M. Mostert, P. S. Barnwell. – Turnhout: Brepols, 2011. – (Utrecht studies in medieval literacy / gen. ed. M. Mostert. – Vol. 22). – P. 1–10.

Поступила в редакцию 17.03.2015